

Виктор Димитриев

«Записки из подполья»:

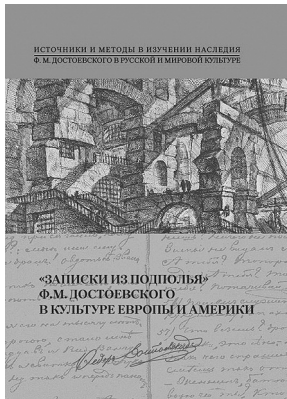
ЧТЕНИЕ, ПЕРЕВОД, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_333

«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова.

М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1024 с. — 300 экз. — (Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре).

Достоевского в современных российских исследованиях не так часто рассматривают в широкой компаративистской перспективе. Изучение литературных связей и рецепцию его творчества проводят чаще на материале истории русской литературы. Кроме того, как указывают специалисты по Достоевскому, работы о нем на иностранных языках плохо известны российским исследователям, и наоборот: «В июле 2019 г. в Бостоне (США) прошел XVII Симпозиум Международного общества Ф.М. Достоевского. Наряду со многими достижениями современного достоевковедения он обнаружил одну застарелую проблему в его развитии. Иноязычное и русскоязычное изучение его творчества — это во многом параллельные миры»¹.

Впрочем, в последнее десятилетие были попытки по разрушению границы между этими разными «мирами»². Скажем, в одном из тематических выпусков сборника «Достоевский. Материалы и исследования» (2013. Т. 20) опубликованы статьи российских и зарубежных ученых, посвященные истории рецепции (в том числе научной) Достоевского в европейских странах, США, Китае, Японии, Австралии и др. Этот том позволяет теперь учитывать самый широкий круг исследований и расшатывает национальную замкнутость науки о Достоевском. Или другой пример. В новом академическом историко-литературном комментарии к роману «Идиот» есть экспериментальный раздел, посвященный рецепции этого

романа в разных странах мира и написанный зарубежными специалистами³.

- 1 Кибальник С.А. Основные тенденции современного изучения творчества Ф.М. Достоевского // Известия Российской академии наук. Сер. лит. и яз. 2020. № 4. С. 67.
- 2 Среди изданий, на страницах которых объединены работы российских и зарубежных специалистов, стоит назвать журнал «Достоевский и мировая культура», с 2018 г. издающийся в двух полноценных вариантах: в «петербургской» и «московской» версиях; издание Международного общества Достоевского «Dostoevsky Studies» (с 1980 г. по настоящее время) и «The Dostoevsky Journal: An Independent Review», с 2014 г. издающийся под названием «The Dostoevsky Journal: A Comparative Literature Review».
- 3 См. параграф 11 в разделе «Примечания» в издании: *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. Т. 9. Вечный муж. Рукописные материалы* / Ред. Н.А. Тарасова. СПб., 2020. С. 631–694.

Рецензируемая книга преследует похожую цель: обогатить наши представления о жизни отдельного текста писателя в разных языковых и культурных контекстах и в целом вернуть компаративистскую широту изучению писателя. Коллективная монография издана в рамках юбилейного грантового проекта в 2021 г. в серии «Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре». Всего по итогам проекта было опубликовано 29 книг. Тематический и методологический охват очень широк: уточнение биографических сведений о жизни Достоевского и его окружения, исследование его редакторской и издательской деятельности, изучение текстологии и поэтики его текстов, философские и религиозные прочтения писателя, критический анализ геополитического воображения Достоевского, наконец, рецепция его творчества в русской и зарубежных культурах⁴.

У «Записок из подполья» еще не было своей энциклопедии. Теперь она появилась: в книге излагается история чтения одного из самых, если не самого транснационального произведения Достоевского. «Записки из подполья» пережили за столетия историю своего существования такое количество «прочтений» и «вчитываний», что по одной истории рецепции этого текста можно составить представление о смене научных парадигм, литературных стратегий, философских концепций и теоретических подходов XX в. К примеру, речевые стратегии и системную философию его героя, подпольного парадоксалиста, могли прочитывать в ключе открытия бессознательного, экзистенциальной философии или, скажем, постструктуралистской деконструкции. С высокой валентностью «Записок...» рассматриваемая монография в том числе и работает. Да и само слово «подполье» обладает притягательной силой для толкователей. «С чем только не ассоциировали понятие Достоевского “подполье” — и с подземельем, и с мышинной норой, и с метрополитеном, и с маргиналами и т.д.! Можно только строить предположения насчет того, как деятели культуры и публика читали это произведение, особенно в ранних неточных переводах: создается впечатление, что это было чтение “между строк”, некое прозрение, ясновидение, догадки, помогавшие создать свой собственный сложный и очень продуктивный для философской мысли и литературы образ. <...> В нашей коллективной монографии мы стремились продемонстрировать как раз это многообразное присутствие “Записок из подполья” в самых разных сферах западной культуры» (с. 8–9), — пишет во Введении составитель сборника Е.Д. Гальцова. К слову, отдельная статья в монографии, предлагающая обзор сборника «La clandestinité: Études sur la pensée russe» (2017), как раз посвящена максимально расширительным трактовкам самого понятия «подполья» в русской и зарубежных интерпретациях (статья Л.А. Димитриевой⁵).

Книга более чем в тысячу страниц объединяет исследования авторов из России, Европы и Америки. Четыре части книги последовательно излагают историю рецепции повести: от детального изучения ее переводов на европейские языки (ч. 1) к исследованию ее влияния на интеллектуальную культуру (ч. 2), литературу (ч. 3),

4 См.: След, оставленный на века: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского: Аннотированный каталог изданий и исследований, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1995–2021 годах / Сост. и ред. В.Н. Захаров, Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская, Л.С. Крекшина; вступ. ст. В.Я. Панченко. М., 2021. Там не отражена недавняя коллективная монография: Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / Под ред. С.Л. Фокина. М., 2022.

5 См. ее журнальный вариант: Димитриева Л. «Подполье» в современной европейской культуре // Новое литературное обозрение. 2020. № 163. С. 330–334.

театр и кино (ч. 4). В разделе «Приложения» впервые опубликованы переводы первой театральной интерпретации повести, пьесы Анри-Рене Ленормана 1912 г. «L'Esprit souterrain» («Подпольный дух»), предисловий к изданиям повести на разных языках, заметки М. де Унамуно на полях текста Достоевского и другие материалы. Завершает книгу библиография, куда включены сведения о переводах и интерпретации «Записок из подполья» в Европе и Америке: она выстроена в хронологическом порядке и по алфавиту и систематизирована по 24 языкам. Несмотря на то что библиография, как отмечают составители, носит предварительный характер, это сейчас единственный источник, предлагающий сведения о рецепции «Записок» в таком объеме.

Первая часть («Переводы “Записок из подполья” на европейские языки») представляет как бы эмпирический материал монографии. Читатель узнает, *какого именно* Достоевского читали на французском, немецком, английском, итальянском, каталонском и шведском языках. Статьи, собранные в этой части, не только предлагают сопоставительный анализ разных переводов и историю их появления, но и дают информацию о концептуальных проблемах, связанных с пониманием и толкованием повести в зарубежных контекстах. В статье *Е.Д. Гальцовой* наряду с тщательным анализом существующих французских версий «Записок из подполья» рассматривается, какие французские эквиваленты разные переводчики выбирали для «экономического» словаря повести, скажем слов «выгода» и «интерес». Особенно это любопытно в отношении второго слова, поскольку для Достоевского, как продемонстрировано в статье, слово «интерес» могло наделяться и экономическим, и эротическим смыслом; нередко они смешивались. Анализ переводов «экономической» лексики в контексте пересечения экономики и эротики позволяет увидеть, в какие философские контексты погружали переводчики «Записки из подполья». В статье *А.А. Стрельниковой* о немецких переводах повести акцент сделан на том, что в первом опыте Алексиса Маркова 1895 г., вольно названном «Из самого темного угла большого города» («Aus dem dunkelsten Winkel der Grosstadt»), были заданы концептуальные рамки восприятия «Записок из подполья» в Германии на тридцать лет. «Прежде всего, это образ темноты, тьмы, а также образ большого города. На многие годы тьма (Dunkel) стала неотъемлемой частью и, по-видимому, визуально-психологической и смысловой ассоциацией с повестью Достоевского» (с. 70). В этой же статье есть интересные наблюдения о том, как немецкие переводчики обращались с русскими реалиями в повести и почему нередко исключали их из текста. Статья *В.С. Сергеевой* целиком посвящена тому, как на английский язык переводили эпиграф ко второй части повести, фрагмент из стихотворения Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...», — важную интертекстуальную отсылку, для восприятия которой необходимо знание историко-литературного контекста. Завершающая статья *К.Р. Андрейчук*, в свою очередь, повествует о переводе ключевых концептов «Записок» на шведский язык. Статьи об англоязычных переводах (*О.Ю. Пановой* и *А. Нейдел*) демонстрируют, как «Записки из подполья» завоевывали популярность в Англии и США. В статье *А. Нейдел* проанализированы англоязычные переводы, притом не столько, может быть, в языковом аспекте, сколько с точки зрения того, как переводческие стратегии определялись меняющимся отношением к Достоевскому в культуре этих стран. В этом смысле ценно, что в статье последовательно разобраны предисловия к анализируемым изданиям.

Начать с переводов — важный концептуальный ход для авторов монографии. В истории рецепции «Записок...» одну из главнейших интриг составляет то, какую причудливую жизнь получил их первый неточный перевод-адаптация на французский «L'Esprit souterrain» («Подпольный дух»), сделанный И. Гальпериним-

Каминским и Ш. Морисом⁶. Это была сознательная компиляция «Записок из подполья» и ранней повести Достоевского «Хозяйка». Гальперин-Каминский провел впечатляющую правку: он «изменил структурное деление обеих повестей («Хозяйка» и «Записки из подполья») на части и главы, создав свое деление на главы, которые просто пронумерованы и лишены названий: тем самым была достигнута однородность формального деления двух разных произведений. Некоторые философские рассуждения были сокращены, и было отменено деление «Записок из подполья» на две части. Что касается частей, то первая из них, под названием «Катя», соответствует тексту «Хозяйки», а часть «Лиза» соответствует в целом «Запискам из подполья». Объединение двух разных сюжетных линий стало возможно благодаря сквозному герою по имени Василий Ордынов. У Достоевского Ордынов — герой «Хозяйки», а у героя «Записок из подполья» нет имени, и переводчики-адаптеры представили его Ордыновым и добавили в текст Достоевского небольшие объяснения» (с. 24), — пишет *Е.Д. Гальцова* в статье, открывающей первую часть.

Эта странная компиляция могла бы остаться переводческим казусом, если бы с нее впоследствии не были сделаны переводы на нидерландский, испанский, итальянский и португальский языки. Более того, Гальцова показывает, что и при наличии более точных переводов на французский, выполненных напрямую с русского, версия Гальперина и Мориса продолжала переиздаваться и пользоваться популярностью в Европе. Публикация этого же перевода с незначительными исправлениями в 1929 г. сопровождалась вступительной статьей Гальперина-Каминского, в которой он объяснял, почему адаптация не только была сделана осмысленно, но еще и может быть вновь опубликована уже после появления более точных переводов «Записок...». Это предисловие можно найти в разделе «Приложения».

Эта переводческая авантюра интересует также и исследователей переводов повести на итальянский язык (статьи *М. Бёмиг* и *А.В. Голубцовой*). Поскольку на итальянский повесть была переведена только в 1919 г., закономерно, что М. Бёмиг разбирает европейскую историю рецепции повести, предшествующую этому переводу, в том числе перевод Гальперина-Каминского и Мориса. В свою очередь, в статье *А.В. Голубцовой* показано, как уже после появления итальянских переводов, сделанных напрямую с русского языка, продолжают появляться переложения французских версий. Анализ разных переводов и сделанных к ним предисловий позволяет оценить интенсивность борьбы за интерпретацию «Записок из подполья»: толкуется ли она с точки зрения биографии писателя, в контексте психоанализа, экзистенциализма или христианства. Интересную боковую линию переводческого сюжета представляет статья *Н.Ю. Харитоновой* о каталонских переводах повести. Первые переводы на каталанский язык появились только в начале XXI в., тем не менее упоминания повести в каталонском культурном пространстве можно встретить начиная с 1920 г. Косвенным образом и здесь оказывается значима история французских переводов, потому что до того, как был сделан первый перевод на каталанский язык, можно было судить о «знакомстве каталонских авторов с французскими версиями повести или их переводами на испанский» (с. 192).

Первую часть монографии отличает множество ценных фактических данных и внимательное отношение к тексту повести и ее переложениям. Несмотря на то что мы читаем о разных культурных пространствах, все эти истории объединяет

6 Этот сюжет подробно рассматривался в: *Гальцова Е.Д. История рукописи как прием переводческой адаптации: «Подпольный дух» (1886) Гальперина-Каминского и Мориса, по произведениям Ф.М. Достоевского // Текстология и генетическая критика: общие проблемы, теоретические перспективы. М., 2008. С. 113—135.*

один сюжет: первые переводы повести стремились приспособить «Записки из подполья» к иным культурам. Кроме того, в европейской истории переводов мы можем наблюдать сквозные сюжеты, в частности связанные с популярностью французских и немецких версий повести. История переводов повести потому может рассматриваться не как совокупность разных, независимых друг от друга историй, а как различные линии единой истории рецепции Достоевского.

Во второй части («Записки из подполья» в интеллектуальной культуре Европы и Америки. Философия, психоанализ, социология, литературоведение») механизмы интерпретации Достоевского продемонстрированы уже в контексте разных гуманитарных дисциплин, хотя, как указано и в Предисловии к монографии, любое строгое деление тут условно. Скажем, статья *Н.А. Копчы* о предисловиях к немецким изданиям и анализ итальянской критики «Записок из подполья» в статье *И.В. Дергачевой* примыкают к переводческим сюжетам. В свою очередь, части, посвященные английской (статья *Е.А. Марковой*) и шведской (статья *К.Р. Андрейчук*) рецепции повести, работают в основном с отражением «Записок» в литературе и потому органично смотрелись бы в третьей части. Логично, что в третьей части появляется еще одна статья *Е.А. Марковой*, в которой развернуто представлены именно намеченные здесь темы. Часть, связанная с литературой и литературоведением, дополняют статьи о румынском (статья *Н.Л. Сухачева*) и сербском (статья *Т.М. Попович*) восприятии.

Отдельный цикл работ в этой части связан с философской рецепцией повести, а также ее прочтением в рамках французской структуралистской и постструктуралистской критики. Любопытны статьи о Ницше в свете его интереса к «Запискам из подполья». В первой из них, работе *И.А. Эбаноидзе*, внимание сосредоточено «на высказываниях Фридриха Ницше о Достоевском, на том, какие издания, судя по этим высказываниям, он читал» (с. 212). Неспешный и внимательный к деталям хронологический обзор этих высказываний отличает эту статью от многих других работ, посвященных теме «Достоевский и Ницше», поскольку ставит во главу угла реальные высказывания, а не «схождения». В частности, восприятие Ницше «Записок из подполья» прокомментировано в свете того, что читал он именно французское издание 1886 г. в переводе Гальперина-Каминского и Мориса. Любопытно, между прочим, что Ницше, не зная о том, что это адаптация, все-таки «разделяет для себя две эти части компиляции, и его активная рецепция относится в первую очередь к тексту “Записок из подполья”» (с. 229). В статье рассматривается и курьезный случай, как Ницше сравнивал французский и немецкий переводы повести, хотя под «немецким переводом» подразумевалась именно «Хозяйка». То, как лексика «подполья» входит в словарь Ницше, пытается проанализировать и *П. де Кортэ* во второй статье, посвященной немецкому философу, и тоже с учетом известного Ницше французского перевода повести, что не позволяет нам оторваться от фактического основания для анализа.

Анализ мифа о тождестве автора и героя в «Записках из подполья» рассматривается в статье *С.А. Кибальника*, в то время как в работе *В. Фейбуа* демонстрируется, как речевая стратегия подпольного парадоксалиста сама влияет на композицию и концепцию исследовательской книги — очерка Дж. Стайна «Толстой или Достоевский». Начиная со статьи Фейбуа, следует цикл работ, в которых Достоевский анализируется как своего рода концептуальный персонаж критических построений: это статья *Н. Од* о зависимости концепции «миметического желания» Рене Жирара от «Записок из подполья», работа *О.Е. Волчек* о присутствии фигуры подпольного человека в философии Жюль Делёза, а также статьи *С.Л. Фокина* о рецепции повести в текстах Людвига Витгенштейна, Цветана Тодорова и Юлии Кристевой. Тексты Од и Волчек демонстрируют, как очень разные французские

мыслители использовали Достоевского для ревизии психоанализа или спора с ним. При этом понятно, что для Жирара фигура Достоевского и его тексты — часть активного теоретического словаря, в то время как Делёз использовал выразительные формулы русского писателя в качестве своего рода метафор собственной мысли. «У Достоевского подпольный человек предстает как антигерой. Делёз в “Критике и клинике” предлагает позитивный образ подпольного человека как оригинала, идиота, отрицающего разумное существование мира. Иррациональный человек у Делёза — изобретение новых оснований рационального, не подчиняющегося предустановленному капиталистическому порядку, где царит математическая логика накопления прибыли» (с. 304—305). В статье Волчек комментируется, в какой мере Делёз действительно мог быть знаком с текстами Достоевского, а в какой использование отдельных концептов из его сочинений могло быть опосредовано другими источниками, в частности чтением Л. Шестова. В свою очередь, в анализе того, как Витгенштейн интерпретировал Достоевского, особенно интересен комментарий Фокина к одной поздней устной реплике философа, в которой коллизию «подпольного парадоксалиста» тот рассматривает с точки зрения логической связи между отдельными высказываниями героя: «...согласно Витгенштейну, в “Записках из подполья” ставится проблема не психологии, а логики познания» (с. 311).

Третья часть («“Записки из подполья” и литература Европы и Америки») сосредоточена на конкретных случаях рецепции повести Достоевского в художественных текстах. Несмотря на то что и тут можно обнаружить немало интересных наблюдений над самыми разными литературными явлениями, только некоторые статьи в блоке не свободны от области типологических сближений и опираются на сведения о точном знакомстве обсуждаемых писателей с этой именно повестью Достоевского. Среди них назовем статью *П.Д. Ореховой*, посвященную пометам Томаса Манна на собственном экземпляре «Записок из подполья», и работу *К.С. Корконосенко*, где все наблюдения над сходствами между «Записками из подполья» и «Авелем Санчесом» М. де Унамуно основаны на детально восстановленной истории рецепции Достоевского в творчестве Унамуно и сопровождаются постоянными отсылками к пометам на книгах Достоевского из его личной библиотеки. Пометы Унамуно воспроизведены в разделе приложений со вступительной статьей Корконосенко. Отдельно отметим также обширный очерк американской рецепции, подготовленный *О.Ю. Пановой*, из которого становится ясно, как «Записки из подполья», став в американской культуре культовым текстом в 1940—1960 гг., растворились в «дискурсе Достоевского» и почему при этом впоследствии они воспринимаются «не как периферия, но как ядро, квинтэссенция художественного мира Достоевского» (с. 504). Любопытны также наблюдения над влиянием поэтики Достоевского на роман Ф. Жакоте (статья *М. Бросье*) и Н. Саррот (статья *А.Ю. Таганова*).

«Записки из подполья», впрочем, могли входить в кругозор отдельных авторов через посредничество философских интерпретаций: именно так происходит в случае с немецким писателем Г. Бенном, чье обращение к одному фрагменту из повести навеяно, как показывает в статье *Н.И. Ковалев*, чтением Н.А. Бердяева. Или в случае с мексиканским автором Хосе Ревуэльтосом, который — доказывает *А.В. Гладошук* — берет фразу из повести в качестве эпиграфа к первому рассказу сборника «Бог на земле» не напрямую из текста Достоевского, а из «Преодоления самоочевидностей» Л. Шестова.

С четвертой частью («“Записки из подполья” в интермедияльных пространствах») мы возвращаемся к анализу переводов повести, но теперь уже на языки других искусств: театра, кино и комиксов. В этом смысле заключительная часть смыкается с первой. В работе *Е.Д. Гальцовой* из этого блока рассматриваются три

французские инсценировки: первой в мире пьесы по «Запискам...» Анри-Рене Ленормана 1912 г. (французский текст и перевод этой пьесы можно найти в приложении), радиоспектакля Ж. Батая и М.-Л. Батай 1946 г. и спектакля Ж. Нёвё 1967 г., в основу которого положены «Записки из подполья» и «Игрок». Особенно, как показалось, любопытны наблюдения над переработкой Батая, поскольку подготовленный им радиоспектакль, предназначенный для широкой публики и весьма вольно передающий повесть, противостоит в целом глубокой и внимательной рецепции в его творчестве текстов Достоевского. Анализ этих творческих переработок, так же как историко-литературного и философского контекста, как бы дополняется статьей А. Дюкре, в которой проанализированы спектакли по «Запискам...» во Франции с 1981 по 2019 г. Отдельные статьи посвящены истории театральных адаптаций повести в Англии и США (статья О.Ю. Пановой), Италии (статья А.В. Голубцовой) и странах Балтии (статья Н.И. Шрома), в фильме «Дом, который построил Джек» Ларса фон Триера (статья А.В. Бородачевой) и в комиксах о Дилане Доге (статья Е.А. Литвин). Особый интерес вызывает работа К. Ичин, рассказывающая историю постановки «Записок из подполья» сербскими заключенными под руководством М. Ковачевич в 2014 г. «Спектакль состоял из трех частей. Первая часть представляла драматизацию текста Достоевского, вторая и третья говорили о жизни в камере и были написаны Мариной Ковачевич в соавторстве с заключенным, главным актером Джордже Васильевичем» (с. 727). Театральный перформанс анализируется под углом зрения концепции театрокрации Н. Евреинова и критики пенитенциарной системы в работах М. Фуко.

Рассматриваемая книга позволяет увидеть, как повесть Достоевского «Записки из подполья» начинает едва ли не с самого появления в европейских контекстах жить независимой от российского историко-литературного контекста жизнью. Ее приспособляют к разным литературным, философским и теоретическим концепциям — отчасти, наверное, потому, что повесть эта располагает к прочтению с универсальной, а иногда и внеисторической точки зрения, особенно ее первая часть, содержащая философский монолог подпольного парадоксалиста. Ею заручаются в качестве поддержки при борьбе против рационализма, историзма, теорий прогресса, психоанализа, структурализма и даже отчуждения человека в тюремной камере. Ценность собранного в коллективной монографии материала сложно переоценить. Его еще предстоит осмыслить специалистам по рецепции творчества Достоевского. При этом позволим себе ряд замечаний, касающихся прежде всего самого устройства книги.

Вероятно, из-за того, что частично сборник составлен по результатам одной-единственной конференции, перед нами чрезвычайно разные работы с точки зрения методологии и охвата материала. Может быть, было бы полезно предпослать книге какую-то обобщающую статью, написанную основными участниками проекта, в которой были бы теоретически осмыслены проблемы перевода, рецепции и интерпретации литературных текстов и в особенности творчества Достоевского. В этой статье могли бы быть на материале предложенных в монографии работ обобщены и прокомментированы основные тенденции восприятия повести в XX—XXI вв.

В самой, может быть, ценной части, посвященной переводам, иногда появляются повторы. Сведения о французских и немецких версиях повести, представленные в отдельных статьях, частично повторяются в работе об итальянской рецепции, для которых эти переводы стали фоном. Англоязычные, шведские и каталонские переводы проанализированы тут с ощутимо меньшим охватом, чем французские и итальянские. Некоторые работы во второй части скорее не рассказывают о жизни повести в интеллектуальной культуре, но продолжают переводческие сюжеты или касаются уже рецепции повести в литературе. В третьей же части,

как мы указали, в отличие от других, не всегда мы можем с одинаковой уверенностью согласиться с влиянием повести на отдельных писателей, поскольку компаративный анализ выдержан скорее в типологическом ключе.

В целом же для обобщающей теоретической или историко-литературной статьи теперь дает материал именно рассматриваемая коллективная монография, впервые предоставляющая такую разнообразную информацию о мере и характере рецепции «Записок из подполья» в Европе и Америке.